Suponev, A. N.

Razskazy o sevastopol'tsakh

Sanktpeterburg

1873

Reel: 54 Title: 9

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCl00054.09

Control Number: BGM-6581
OCLC Number : 24903897
Call Number : W 381.5917N Su76r
Author : Suponev, A. N.
Title : Razskazy o sevastopol'tsakh / A.N. Suponeva.
Imprint : Sanktpeterburg : V tip. Gogenfel'den, 1873.
Format : [22] p., [10] leaves of plates : col. ill. ; 20 cm.
Note : "... uchrezhdennoi po vysochaishemu povelieniiu ministrom narodnago prosvieshcheniia..."
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

№ 44. Краем-обл.

Адмиралъ **Нахимовъ**.

РАЗСКАЗЫ

о

СЕВАСТОПОЛЬЦАХЪ

А. Н. Сунонева

Съ 10-ю раскрашенными картинами

ИЗДАНІЕ, УЧРЕЖДЕННОЙ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ПОСТОЯННОЙ КОММИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГОГЕНФЕЛЬДЕНЪ И К°.
(Вас. Остр., 3 л., № 44)
1873.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Января 1874 года.

РАЗСКАЗЫ О СЕВАСТОПОЛЬЦАХЪ.

На югѣ Россіи, въ Крыму, у берега Чернаго моря, въ 2-хъ верстахъ отъ древняго Херсонеса или Корсуня, гдѣ Великій Князь Владиміръ Святый принялъ христіанскую вѣру и крестился, находится городъ *Севастополь.* Построенъ онъ былъ Императрицей Екатериной II вскорѣ послѣ покоренія Крымскаго Ханства Княземъ Потемкинымъ Таврическимъ, при впаденіи Черной рѣчки въ Черное море. Устье Черной рѣчки было широко и представляло хорошую и покойную стоянку для кораблей нашего черноморскаго флота; находясь на Севастопольскомъ рейдѣ (такъ называлось устье Черной), корабли были защищены отъ морскихъ вѣтровъ и бурь. Измученныя разными непогодами на морѣ, суда входили въ рейдъ на отдыхъ. Вслѣдствіе этого Севастополь сдѣлался нашимъ главнымъ приморскимъ городомъ и военнымъ портомъ на Черномъ морѣ, такъ что жители его состояли большею частью изъ матросовъ и ихъ семействъ.

Ничѣмъ особенно не отличавшійся отъ прочихъ городовъ нашего отечества, Севастополь, вдругъ, въ 1855 году, получилъ громкую извѣстность, слава о немъ пошла повсюду и перешла въ исторію; онъ сталъ гордостію нашей родины.

Но въ чемъ-же заключалась эта слава? Почему стало намъ дорого самое имя Севастополя? Чѣмъ заслужилъ онъ такую громкую извѣстность въ исторіи русскаго народа?

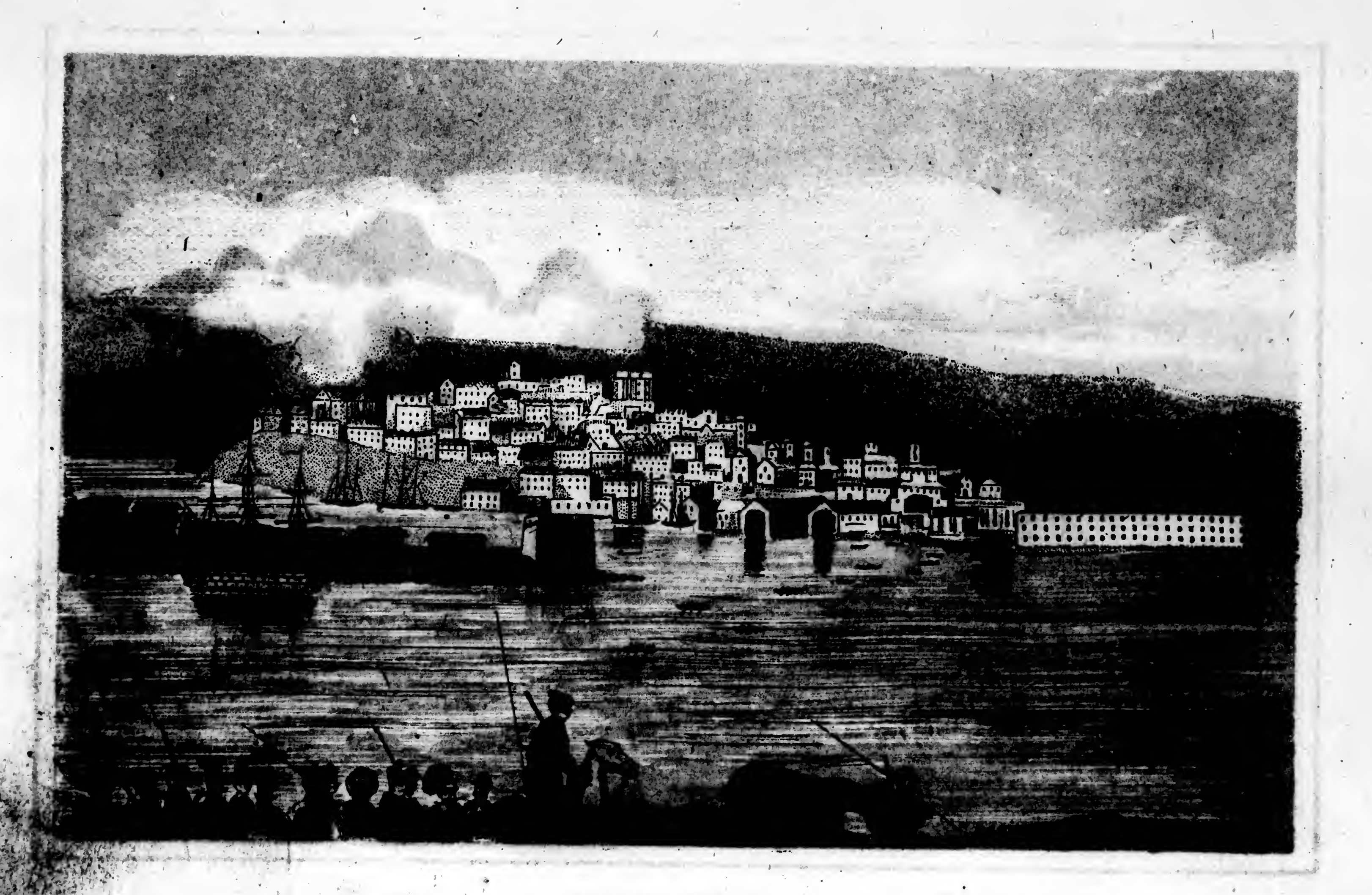
А тѣмъ, что онъ въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ, съ 12-го Сентября 1854 г. и по 27-е Августа 1855 г.,

выдержалъ безпримѣрную въ лѣтописяхъ осаду; обороняясь противъ сильнѣйшаго непріятеля, грудью своихъ защитниковъ—героевъ, онъ, во все это время, держалъ подъ своими стѣнами вражескія силы; истощалъ ихъ, не пускалъ во внутрь нашей родной земли и въ концѣ концовъ, хотя и палъ, подъ напоромъ силы, но возбудилъ удивленіе самихъ враговъ, которые, истощенные и измученные, не могли продолжать борьбы и вынуждены были заключить миръ. Вотъ въ чемъ состоитъ слава Севастополя, вотъ чѣмъ онъ заслужилъ благодарность потомства и обезсмертилъ себя въ русской исторіи!

Причиною великой борьбы, окончившейся осадою и затѣмъ паденіемъ Севастополя, было то, что покойный Императоръ Николай I вступился за права православныхъ христіанъ, угнетаемыхъ Турками.

Вамъ должно быть знакомо то набожное чувство, которое питаютъ православные къ мѣстамъ гдѣ жилъ и страдалъ Спаситель. Цѣлыя толпы православнаго люда, до-сихъ-поръ, отправляются на поклоненіе св. мѣстамъ и св. гробу Господню, находящемуся въ Іерусалимѣ. Турки, владѣющіе издавна этимъ городомъ, на каждомъ шагу показывали свою власть и дѣлали разнаго рода притѣсненія христіанамъ. Въ особенности нападали они на православныхъ христіанъ, не давали имъ, напримѣръ, ключа отъ храма св. Гроба, излюбленнаго мѣста молитвы для всѣхъ приходящихъ въ Іерусалимъ христіанъ, такъ что, въ то время, когда другіе народы, исповѣдующіе не нашу православную, а католическую и лютеранскую вѣру, могли, по желанію, идти поклониться гробу Спасителя, православные не имѣли этого права, а должны были всякій разъ испрашивать разрѣшенія Турокъ. Подобныя дѣйствія не могли не остановить на себѣ вниманія покойнаго Государя. Государь потребовалъ отъ Султана, чтобы права православныхъ были уравнены съ правами лютеранъ и католиковъ, но когда требованіе это не было исполнено, наши войска вступили въ турецкія владѣнія. Тогда на помощь къ Турціи поспѣшили Франція и Англія, а впо-

Къ стр. 3.

Видъ Севастополя.

слѣдствіи къ нимъ присоединилось небольшое италіянское государство — Сардинія.

Россія была одна, но Императоръ Николай, манифестомъ отъ 9-го Февраля 1854 года, поднялъ всѣ силы своего народа на борьбу за православіе, и народъ, движимый горячею привязанностью къ своей вѣрѣ, по слову царскому, поднялся на защиту этой вѣры.

Когда же распространилось извѣстіе о томъ, что силы враговъ покинули турецкія владѣнія и высадились на берегахъ Крыма, воодушевленіе народное сдѣлалось еще сильнѣе. При этомъ, кромѣ привязанности къ вѣрѣ, заговорило иное чувство, еще болѣе сильное, возбуждающее, поднявшее, въ это многотрудное время, стараго и малаго, богатаго и бѣднаго, дворянина и крестьянина... Чувство это — *любовь къ родинѣ*. Она-то одушевляла, какъ мы увидимъ, храбрыхъ защитниковъ Севастополя; заставила русскій народъ, по призыву царя, вступать въ ряды войска и государственнаго ополченія, которое созвано было тогда, какъ въ былое славное время отечественной войны 1812 года. Тяжело, правда, было матерямъ и женамъ разставаться съ любимыми сыновьями и мужьями; невольный страхъ чувствовали онѣ при мысли, что вражеская пуля можетъ сразить тѣхъ, которые имъ дороже всего на свѣтѣ, но онѣ молчали передъ примѣромъ, подаваемымъ стариками. Да и что могли онѣ сказать, видя, какъ старики, дрожащими отъ волненія руками, съ глазами, полными слезъ, съ выраженіемъ безконечной преданности и покорности, благословляли дѣтей и внучатъ на защиту родины, заповѣдуя имъ служить вѣрой и правдой Богу, царю и отечеству?! Благословеніе это пошло въ прокъ, заповѣдь ихъ была исполнена, — ратники сослужили своей родинѣ хорошую службу, храбро дрались они и славно умирали на стѣнахъ Севастополя...

Осада Севастополя началась, какъ мы уже сказали, съ 12-го Сентября, черезъ нѣсколько дней послѣ высадки англо-французской арміи на берегъ Крыма, у города Евпаторіи. Бывшія въ то время въ Крыму, подъ начальствомъ князя Меньшикова, войска наши пытались

было остановить непріятеля и заняли, повидимому, крѣпкую позицію на р. Альмѣ, по дорогѣ между Севастополемъ и Евпаторіей, но усилія ихъ оказались тщетны; непріятельская армія съ силою ударилась на нашихъ и заставила ихъ отступить, открывая такимъ образомъ свободный путь къ Севастополю, въ которомъ тогда находился нашъ черноморскій флотъ. Намѣреніе непріятеля состояло въ томъ, чтобы занять Севастополь и уничтожить русскій флотъ; онъ не думалъ, что городъ можетъ долго защищаться, а потому надѣялся съ нимъ скоро покончить. Однако не такъ случилось на дѣлѣ.

Хотя Севастополь, какъ всякій приморскій городъ, былъ укрѣпленъ только со стороны моря, съ остальныхъ же сторонъ былъ совершенно беззащитенъ, не имѣлъ до того никакихъ укрѣпленій, и потому легко могъ сдѣлаться добычей врага, но, бывшіе въ немъ въ то время, черноморскіе моряки горячо любили, какъ они называли, „свой родной“ городъ и готовы были лечь костьми, а не отдавать его непріятелю безъ горячаго боя. Бодрый духъ этотъ поддерживали еще болѣе ихъ начальники, первое мѣсто между которыми принадлежало адмиралу Владиміру Алексѣевичу Корнилову. Къ тому-же, въ числѣ севастопольцевъ находился человѣкъ, знакомый съ инженернымъ дѣломъ и съумѣвшій, въ короткое время, окружить городъ такими укрѣпленіями, которыя могли противустоять первому нападенію непріятеля. Человѣкъ этотъ былъ полковникъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.

Севастополь состоялъ изъ двухъ частей—сѣверной и южной, раздѣленныхъ 6-ти-верстной бухтой или рейдомъ, составлявшимъ, какъ мы выше сказали, устье рѣки Черной. Сѣверная сторона состояла только изъ укрѣпленій, которыя должны были обстрѣливать входъ съ моря. Самый же городъ находился на южной сторонѣ и расположенъ былъ на холмахъ, раздѣленныхъ котловинами, которыя на мѣстномъ нарѣчіи называются „балками“. Дальше шли возвышенности и горы. Тотлебенъ воспользовался мѣстностью на сколько было возможно:

онъ устроилъ вокругъ всего города цѣпь укрѣпленій, выкопалъ рвы, насыпалъ валы, покрывалъ и обставлялъ ихъ мѣшками съ пескомъ, корзинами съ землей, плетушками съ каменьями. Всѣмъ пользовался онъ, ничего не пропадало даромъ... Усердіемъ и энергіей его, всѣ люди и вещи, находящіяся въ городѣ, были употреблены на его защиту. Фургоны, телѣги и всякіе частные экипажи возили на батареи землю, плетенки, снаряды. Съ разсвѣта и до поздней ночи, 5—6 тысячъ человѣкъ неутомимо работали по оборонительнымъ линіямъ. Другіе продолжали работу и ночью, при свѣтѣ факеловъ. Остановки не было, люди смѣнялись, всѣ работали весело, не замѣчая свою работу въ общей массѣ работъ. Тѣ, которые не принадлежали къ военному сословію, образовали изъ себя стражу, для содержанія карауловъ и ночныхъ обходовъ; другіе-же помогали войскамъ на батареяхъ. Даже женщины и дѣти оказывали посильную помощь. Арестанты, выпущенные изъ тюрьмъ, по случаю предстоящей опасности, не воспользовались своей свободой для совершенія новыхъ преступленій, а испросили себѣ позволеніе принятѣ участіе въ общей работѣ.

Жители Севастополя, безъ сомнѣнія, и прежде преданы были своей родинѣ и своей вѣрѣ, но только во время осады узнали они то чувство, которое горитъ въ сердцахъ людей, добровольно посвятившихъ себя назащиту очечества и своего роднаго крова. Въ первое время на долю ихъ пало тяжелое бремя защищать родную землю отъ нашествія чужеземцевъ, и они оказались вполнѣ достойны этой доли. Тотъ, кто давалъ должное направленіе энергіи севастопольцевъ, управлялъ ихъ работами, своимъ умомъ и познаніями воздвигалъ укрѣпленія,—тотъ говоритъ, что „преданность ихъ къ отечеству доходила до величія“. Таковъ отзывъ Тотлебена о товарищахъ его по защитѣ Севастополя; но безъ него всѣ эти усилія не имѣли-бы желаемыхъ послѣдствій. Онъ самъ чувствовалъ, что сила всѣхъ работающихъ надъ Севастопольскими укрѣпленіями зависѣла отъ его присутствія, и онъ не зналъ отдыха, не уходилъ почти

было остановить непріятеля и заняли, повидимому, крѣпкую позицію на р. Альмѣ, по дорогѣ между Севастополемъ и Евпаторіей, но усилія ихъ оказались тщетны; непріятельская армія съ силою ударилась на нашихъ и заставила ихъ отступить, открывая такимъ образомъ свободный путь къ Севастополю, въ которомъ тогда находился нашъ черноморскій флотъ. Намѣреніе непріятеля состояло въ томъ, чтобы занять Севастополь и уничтожить русскій флотъ; онъ не думалъ, что городъ можетъ долго защищаться, а потому надѣялся съ нимъ скоро покончить. Однако не такъ случилось на дѣлѣ.

Хотя Севастополь, какъ всякій приморскій городъ, былъ укрѣпленъ только со стороны моря, съ остальныхъ же сторонъ былъ совершенно беззащитенъ, не имѣлъ до того никакихъ укрѣпленій, и потому легко могъ сдѣлаться добычей врага, но, бывшіе въ немъ въ то время, черноморскіе моряки горячо любили, какъ они называли, „свой родной“ городъ и готовы были лечь костьми, а не отдавать его непріятелю безъ горячаго боя. Бодрый духъ этотъ поддерживали еще болѣе ихъ начальники, первое мѣсто между которыми принадлежало адмиралу Владиміру Алексѣевичу Корнилову. Къ тому-же, въ числѣ севастопольцевъ находился человѣкъ, знакомый съ инженернымъ дѣломъ и съумѣвшій, въ короткое время, окружить городъ такими укрѣпленіями, которыя могли противустоять первому нападенію непріятеля. Человѣкъ этотъ былъ полковникъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ.

Севастополь состоялъ изъ двухъ частей—сѣверной и южной, раздѣленныхъ 6-ти-верстной бухтой или рейдомъ, составлявщимъ, какъ мы выше сказали, устье рѣки Черной. Сѣверная сторона состояла только изъ укрѣпленій, которыя должны были обстрѣливать входъ съ моря. Самый же городъ находился на южной сторонѣ и расположенъ былъ на холмахъ, раздѣленныхъ котловинами, которыя на мѣстномъ нарѣчіи называются „балками“. Дальше шли возвышенности и горы. Тотлебенъ воспользовался мѣстностью на сколько было возможно:

онъ устроилъ вокругъ всего города цѣпь укрѣпленій, выкопалъ рвы, насыпалъ валы, покрывалъ и обставлялъ ихъ мѣшками съ пескомъ, корзинами съ землей, плетушками съ каменьями. Всѣмъ пользовался онъ, ничего не пропадало даромъ... Усердіемъ и энергіей его, всѣ люди и вещи, находящіяся въ городѣ, были употреблены на его защиту. Фургоны, телѣги и всякіе частные экипажи возили на батареи землю, плетенки, снаряды. Съ разсвѣта и до поздней ночи, 5—6 тысячъ человѣкъ неутомимо работали по оборонительнымъ линіямъ. Другіе продолжали работу и ночью, при свѣтѣ факеловъ. Остановки не было, люди смѣнялись, всѣ работали весело, не замѣчая свою работу въ общей массѣ работъ. Тѣ, которые не принадлежали къ военному сословію, образовали изъ себя стражу, для содержанія карауловъ и ночныхъ обходовъ; другіе-же помогали войскамъ на батареяхъ. Даже женщины и дѣти оказывали посильную помощь. Арестанты, выпущенные изъ тюрьмъ, по случаю предстоящей опасности, не воспользовались своей свободой для совершенія новыхъ преступленій, а испросили себѣ позволеніе принятѣ участіе въ общей работѣ.

Жители Севастополя, безъ сомнѣнія, и прежде преданы были своей родинѣ и своей вѣрѣ, но только во время осады узнали они то чувство, которое горитъ въ сердцахъ людей, добровольно посвятившихъ себя назащиту очечества и своего роднаго крова. Въ первое время на долю ихъ пало тяжелое бремя защищать родную землю отъ нашествія чужеземцевъ, и они оказались вполнѣ достойны этой доли. Тотъ, кто давалъ должное направленіе энергіи севастопольцевъ, управлялъ ихъ работами, своимъ умомъ и познаніями воздвигалъ укрѣпленія,—тотъ говоритъ, что „преданность ихъ къ отечеству доходила до величія“. Таковъ отзывъ Тотлебена о товарищахъ его по защитѣ Севастополя; но безъ него всѣ эти усилія не имѣли-бы желаемыхъ послѣдствій. Онъ самъ чувствовалъ, что сила всѣхъ работающихъ надъ Севастопольскими укрѣпленіями зависѣла отъ его присутствія, и онъ не зналъ отдыха, не уходилъ почти

съ мѣста работъ, взоромъ и голосомъ возбуждая работающихъ. Позднѣе, непріятель привыкъ уже видѣть, въ зрительную трубу, всадника на ворономъ конѣ, безпрестанно находящагося при укрѣпленіяхъ. Нѣсколько разъ направлялись въ него непріятельскіе выстрѣлы, но судьба хранила его для севастопольскаго гарнизона, который нуждался въ немъ, такъ какъ онъ руководилъ работами, производившимися днемъ и ночью, въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ, на Севастопольской землѣ. Работы эти прославили Тотлебена и дали ему почетное мѣсто между севастопольскими защитниками.

Общее распоряженіе войсками находилось въ рукахъ Корнилова, который, въ то время когда армія наша была внѣ Севастополя, сталъ въ главѣ его защитниковъ. Моряки любили его, вѣрили ему, слушались его приказаній и, въ концѣ концовъ, возложили на него всю свою надежду. Они знали какъ дорогъ былъ Корнилову Севастополь и были убѣждены, что онъ положитъ всѣ свои силы на его защиту: Корниловъ сдѣлалъ больше, онъ положилъ не только свои силы, но и свою жизнь.

Послѣ разбитія нашей арміи при Альмѣ (8 Сентября 1854 года), открывшаго 55-ти тысячной непріятельской арміи свободный путь къ Севастополю, надо было принять особыя мѣры къ тому, чтобы помѣшать непріятельскимъ кораблямъ войти въ Севастопольскую бухту и сжечь весь городъ. Хотѣлъ было Корниловъ выйти съ черноморскими караблями въ открытое море, сцѣпиться бокъ-о-бокъ съ непріятельскимъ флотомъ, а затѣмъ взлетѣть съ нимъ вмѣстѣ на воздухъ. Но намѣреніе это не могло быть исполнено, такъ какъ на него не былъ согласенъ главнокомандующій Князь Меньшиковъ, рѣшившій потопить наши корабли и загородить такимъ образомъ бухту. Тяжело было черноморцамъ; горько защемило ихъ сердце, когда въ тихое, безоблачное утро 11-го Сентября приступили къ затопленію назначенныхъ къ тому судовъ. До-сихъ-поръ сохраняются еще между старыми матросами разсказы объ этихъ корабляхъ-ветеранахъ. О затопленіи, напримѣръ, корабля „12-ти Апостоловъ“ разсказываютъ слѣдующее: „три дня

Государственнаго Подвижнаго Ополченія Дружины № 1-й С.-Петербургской губерніи, ратникъ **Матвѣевъ**.

буравили въ немъ щели; сдѣлали четырнадцать дыръ, а онъ все не тонетъ. Стали изъ пушекъ въ него стрѣлять—все не тонетъ. Хотѣли уже къ Государю писать, да одинъ матросъ догадался, полѣзъ и снялъ икону—ту-жъ минуту ко дну пошелъ".

Непріятель былъ удивленъ встрѣченнымъ имъ сопротивленіемъ: до того была въ немъ сильна увѣренность въ невозможности обороны Севастополя. Видя, однако, что мы не на шутку укрѣпились, англо-французская армія обложила городъ со всѣхъ сторонъ, принялась тоже строить укрѣпленія и оставила подъ стѣнами Севастополя главныя свои силы. Такимъ образомъ началась ожесточенная борьба, какой не было до того; борьба, стоившая многихъ десятковъ тысячъ жертвъ, пролившая цѣлые потоки человѣческой крови. Непріятель не рѣшался двинуться далѣе не взявъ Севастополя и употребилъ на его осаду все, что только могъ; мы же чувствовали какъ важно для насъ отстоять Севастополь, истощая врага, и направили туда всѣ наши силы.

Въ началѣ число защитниковъ Севастополя простиралось до 22 тыс. человѣкъ, изъ коихъ собственно солдатъ было всего 2600 чел.; остальные же были моряки съ затопленныхъ кораблей, ополченцы и жители.

Первымъ, особенно тяжелымъ для Севастополя днемъ было 5-е Октября, когда непріятель, боясь зимовки въ чужой землѣ, рѣшился взять городъ приступомъ. Утро было ясное, безоблачное, на морѣ стояла мертвая тишина; союзная армія готова была къ штурму, флотъ ея разводилъ пары, намѣреваясь подойти ближе и начать палить въ городъ: все ждало только условленнаго знака. Въ половинѣ седьмаго часа утра, съ одной изъ непріятельскихъ батарей, раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій и пошла жестокая пальба. Три часа продолжался огонь непріятеля, становясь все сильнѣе и сильнѣе. Хотя мы были взяты въ расплохъ, но отвѣчали непріятелю такъ, что перевѣса не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Наконецъ, нѣсколько нашихъ бомбъ попало въ непріятельскіе пороховые погреба; тѣ

взлетѣли на воздухъ, произвели опустошеніе между своими-же, такъ что огонь непріятеля, не смотря на то, что у него въ этотъ день было въ 10 разъ болѣе пушекъ, чѣмъ у насъ, долженъ былъ мало-по-малу стихнуть. Въ этотъ день, впервые выказался въ Севастопольскомъ гарнизонѣ тотъ геройскій духъ, которымъ онъ отличался въ продолженіи всѣхъ 11-ти мѣсяцевъ. Такъ, на 3-мъ бастіонѣ, гдѣ подбита была большая часть орудій, артиллерійская прислуга была уничтожаема три раза и три раза замѣняла ее новая, которая шла на явную смерть съ плясомъ и пѣснями, будто съ парада на отдыхъ. На другой батареѣ тоже были перебиты всѣ артиллеристы, понадобились охотники. Сказали объ этомъ одному баталіону морскихъ солдатъ, но въ немъ охотниковъ не нашлось: онъ весь пошелъ на батарею.

Къ несчастью, въ числѣ жертвъ, понесенныхъ нами въ этотъ день, былъ Корниловъ. Непріятельское ядро попало въ него, въ то время, когда онъ стоялъ на Малаховомъ курганѣ, и раздробило ему верхнюю часть лѣвой ноги.

— Отстаивайте Севастополь!—успѣлъ онъ проговорить и лишился чувствъ. Его снесли на ближайшее перевязочное мѣсто; тамъ онъ пришелъ въ себя и причастился Св. Тайнъ. Затѣмъ, видя, что его хотятъ перенести въ госпиталь, но боятся увеличить его страданія, онъ самъ, съ величайшими усиліями, перевернулся черезъ свою раздробленную ногу и легъ на насилки, на которыхъ его и перенесли. Въ госпиталѣ онъ чувствовалъ, по временамъ, такую сильную боль, что не могъ не кричать. Когда же ему стало легче и боль немного утихла, онъ обратился къ окружавшимъ его и сказалъ:—„передайте всѣмъ какъ пріятно умирать, когда совѣсть покойна“ и, проговоривъ „Господи благослови Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ“, какъ-будто задремалъ. Но прибѣжалъ офицеръ съ радостной вѣстью, что огонь на непріятельскихъ укрѣпленіяхъ почти стихъ, Корниловъ услыхалъ добрую вѣсть, раскрылъ глаза, приподнялся, собралъ послѣднія силы и громко произнесъ два раза „ура“; за-

Къ стр. 5.

Крестьянинъ благословляетъ сына.

тѣмъ уже окончательно потерялъ сознаніе, а черезъ нѣсколько минутъ его болѣе не стало.

Такъ скончался Корниловъ, одинъ изъ первыхъ героевъ Севастопольской осады, человѣкъ съ великой и мужественной душой, которую онъ вполнѣ выказалъ въ двадцать шесть дней своей жизни, посвященныхъ всецѣло, дорогому для него дѣлу защиты Севастополя.

— Умремъ ребята, а не отдадимъ Севастополя!—говорилъ онъ войскамъ.

— Умремъ, ура!—отвѣчали ему тѣ и сдержали свое слово.

Тѣло Корнилова предано землѣ въ Севастополѣ, а на томъ мѣстѣ бастіона Малахова кургана, названнаго потомъ Корниловскимъ, на которомъ ядро попало въ него, выложенъ крестъ изъ ядеръ. Впослѣдствіи къ могилѣ Корнилова присоединились могилы двухъ его боевыхъ товарищей — моряковъ, адмираловъ Нахимова и Истомина, изъ коихъ первый принялъ послѣ него начальствованіе надъ всѣми морскими командами, а второй былъ начальникомъ надъ тѣмъ бастіономъ, на которомъ убитъ его другъ и товарищъ.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ пользовался также любовью всѣхъ моряковъ. Его простая, добродушная рѣчь, ласковое со всѣми обращеніе, доходящая до геройства храбрость — влекли къ нему солдатскія сердца. Спокойный, хладнокровный и невозмутимый, обходилъ онъ ежедневно всѣ наши батареи, останавливался у орудій, не обращая вниманія на то, что эполеты его, которыхъ онъ никогда не снималъ, служили хорошею цѣлью для непріятеля; наблюдалъ за тѣмъ, куда и какъ попадали наши выстрѣлы, давалъ совѣты бомбандирамъ, а подъ часъ и самъ направлялъ пушки. Кругомъ его падали люди, слышались стоны раненыхъ, отчаянные вопли умирающихъ, визжали пули и ядра, а Нахимовъ оставался все тѣмъ-же, подавая собою примѣръ солдатамъ. За то, послѣ того, какъ 30 Іюня 1855 года, его сразила вражеская пуля, въ то самое время, когда онъ съ обычнымъ безстрашіемъ, осматривалъ крѣпостныя укрѣпленія, и онъ, бездыханный, лежалъ въ своей квар-

тиркѣ, въ гробу, покрытомъ простреленнымъ ядрами флагомъ съ корабля „Императрица Марія“, на которомъ онъ былъ во время первой, одержанной нами, надъ турками, за полтора года передъ тѣмъ, морской побѣды при Синопѣ,—вокругъ гроба Нахимова, рядомъ съ начальниками севастопольскаго гарнизона, толпилось и со слезами молило объ упокоеніи его души все тогдашнее населеніе Севастополя, не занятое службой. То были раненые солдаты, жены ихъ и дѣти. Весь этотъ людъ приходилъ поклониться праху того, который любилъ своихъ подчиненныхъ, какъ родныхъ дѣтей, и подбодрялъ ихъ крѣпче стоять грудью противъ непріятеля.

Владиміръ Ивановичъ Истоминъ пережилъ Корнилова только пятью мѣсяцами, свято исполняя данную клятву жизнью своею отстоять Севастополь. Истоминъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ людей, на долю которыхъ пало вынести на своихъ плечахъ первое время осады и приготовить городъ и его гарнизонъ на столько, что они оказались способны къ такой продолжительной и тяжелой оборонѣ. Зная, что вся сила состояла въ войскѣ, защищавшемъ Севастопольскія укрѣпленія, Истоминъ, подобно Корнилову, Тотлебену, Нахимову и многимъ другимъ вождямъ гарнизона, обращалъ главное вниманіе на благостояніе солдатъ, съ которыми онъ дѣлилъ всѣ труды и опасности. Приказы этихъ доблестныхъ начальниковъ севастопольцевъ, объ облегченіи страданій и улучшенія быта нижнихъ чиновъ, приклеивались на стѣнахъ и долго оставались они въ памяти севастопольскихъ героевъ, которые, проходя мимо могилы трехъ адмираловъ, съ благодарностью вспоминали ихъ постоянныя попеченія о благѣ и успокоеніи подчиненныхъ, благословляли ихъ память, приговаривая:—„наши адмиралы все еще охраняютъ насъ!“

Могила адмираловъ находится въ склепѣ, надъ которымъ воздвигнутъ теперь храмъ, и никто изъ посѣщающихъ Севастополь не пропускаетъ этотъ величественный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательный памятникъ...

Кладбище.

Вспомянемъ же и мы съ признательностью имена тѣхъ героевъ, надъ которыми этотъ памятникъ воздвигнутъ и постараемся не забыть той великой услуги, которую они оказали Россіи...

Но они были не одни: за ними идетъ цѣлый рядъ извѣстныхъ и безвѣстныхъ героевъ, изъ коихъ одни погибли въ славномъ бою, другіе сдѣлались калеками, третьи, наконецъ, остались живы и невредимы. Не сотнями уносила своихъ жертвъ эта гибельная война, а тысячами, десятками и сотнями тысячъ! Времени не хватало устраивать для этихъ жертвъ пышныхъ церемоній, не было также средствъ воздвигать надъ ихъ общей могилой роскошныхъ надгробныхъ памятниковъ... Ихъ хоронили въ простыхъ, крашеныхъ гробахъ; опускали въ одну могилу на сѣверной сторонѣ Севастополя, ставили деревянные, простые кресты. Монахъ въ эпитрахили, да нѣсколько товарищей, изъ коихъ большинство окалеченныхъ,—вотъ тѣ, которые сопутствовали севастопольскимъ героямъ къ ихъ послѣднему жилищу, но за то какъ горяча, какъ искренна была заупокойная молитва этихъ людей... Теперь, надъ этимъ общимъ кладбищемъ построена церковь; на немъ-же похоронены, умершіе впослѣдствіи, славные вожди храбраго гарнизона, — бывшій въ послѣднее время осады главнокомандующимъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ и извѣстный своею неустрашимостью, „молодецъ-генералъ", какъ его прозвали солдаты, Степанъ Александровичъ Хрулевъ.

Хрулевъ вполнѣ заслужилъ данное ему прозвище. Онъ былъ тамъ, гдѣ было всего опаснѣе. Солдаты знали его и подъ его начальствомъ оказывали еще болѣе чудесъ храбрости. Такъ, напримѣръ, въ ночь съ 10-го на 11-е Марта, Хрулевъ вознамѣрился помѣшать работамъ непріятеля и вышелъ, подъ прикрытіемъ ночи, изъ-за нашихъ укрѣпленій, съ 11-ью баталіонами. Ночь была темна; тихо двинулись наши войска по направленію къ непріятелю; солдаты шли молча, сомкнувъ ряды, поддерживая ружья и тесаки; всѣ знали, что успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ быстроты и тишины, чтобы врагъ не за-

мѣтилъ. Но онъ былъ тоже чутокъ, не дремалъ, и, завидѣвъ приближающихся, поднялъ тревогу. Противъ Хрулева двинуто было вдвое болѣе, чѣмъ у него, и завязался кровавый бой: три раза переходило мѣсто сраженія изъ нашихъ рукъ въ непріятельскія; Хрулевъ появлялся всюду, ободряя солдатъ словомъ и дѣломъ.

— „Держись братцы!—кричалъ онъ и показывалъ собою примѣръ. Но силы были неравныя, непріятель все прибывалъ и прибывалъ, такъ что войска наши готовы были поддаться и идти назадъ, но вотъ іороманахъ Іоанникій Савиновъ, въ эпитрахилѣ, съ поднятымъ крестомъ въ рукѣ, появился среди солдатъ, сталъ рядомъ съ Хрулевымъ и, запѣвъ звучнымъ, сильнымъ голосомъ: „спаси Господи люди твоя“, пошелъ на непріятеля. Войска бросились за нимъ на непріятеля и отбросили его.— Другое, подобное-же дѣло, выигранное войсками Хрулева, было въ ночь съ 10-го на 11-ое Мая. Бой также достигалъ до крайняго разгара: непріятель нѣсколько разъ бросался въ штыки, но всякій разъ Хрулевъ, со своими „благодѣтелями“,—такъ звалъ онъ солдатъ — опрокидывалъ его; наконецъ, послѣ пятичасовой драки, непріятель, уже на разсвѣтѣ, отступилъ за свои окопы.

Во время штурма 6-го Іюня, когда англо-французскіе главнокомандующіе порѣшили опять попытаться взять Севастополь приступомъ, Хрулевъ былъ на Малаховомъ курганѣ, такъ какъ мѣсто это, по своей высотѣ надъ окружающими, было самымъ важнымъ во всемъ городѣ. Замѣтилъ онъ, что одинъ изъ полковъ, поддаваясь натиску непріятеля, началъ отступать. Стремглавъ бросился туда Хрулевъ. — „Стой, благодѣтели! Стѣна!“—крикнулъ онъ солдатамъ и тѣ остановились. Одинъ изъ нихъ, бѣжавшій особенно прытко, закричалъ:— „ну ребята навались!“ — „Навались!“—гаркнули всѣ и повернули назадъ. Хрулевъ сталъ въ главѣ ихъ и повелъ на непріятеля. Солдаты ринулись на французовъ, отбросили ихъ назадъ и гнали до самыхъ непріятельскихъ укрѣпленій,—штурмъ отбитъ былъ по всей линіи, причемъ непріятель потерялъ до 7000 человѣкъ.

Между тѣмъ осада шла своимъ чередомъ: все болѣе

Подвигъ рядоваго **Шевченко.**

и болѣе времени протекало съ тѣхъ поръ, какъ просвистало первое ядро съ бастіоновъ Севастополя и взрыло землю на работахъ непріятеля, и съ тѣхъ поръ тысячи бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ нашихъ бастіоновъ въ непріятельскія укрѣпленія, а изъ непріятельскихъ укрѣпленій на наши бастіоны, и Ангелъ смерти не переставалъ парить надъ ними. Каждый день, съ невольнымъ страхомъ и трепетомъ, смотрѣли французы изъ своего лагеря на желтоватую, изрытую землю севастопольскихъ бастіоновъ, на черныя, двигавшіяся по нимъ, фигуры нашихъ солдатъ; считали сердито торчавшія пушки наши, а Севастополь все не сдавался; онъ продолжалъ приковывать къ себѣ всѣ непріятельскія силы. Для того-же, чтобы какъ можно болѣе тревожить эти силы, не давать имъ, ни днемъ ни ночью, покоя, севастопольскій гарнизонъ дѣлалъ вылазки, выходилъ изъ-за бастіоновъ, спускался въ рвы, а оттуда тихо и молча пробирался, подъ прикрытіемъ ночи, къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, и неожиданно бросался на нихъ.

Въ первое время осады, большую извѣстность за свои вылазки получилъ Лейтенантъ Бирюлевъ, который велъ ихъ не только съ большимъ мужествомъ и отвагой, но и съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Первая замѣчательная его вылазка была въ концѣ января 1854 года, когда Бирюлевъ, съ отрядомъ въ 330 человѣкъ, шесть разъ бросался на укрѣпленія непріятельскихъ стрѣлковъ и наконецъ выбилъ ихъ оттуда. Много надо было умѣнья, осторожности и вмѣстѣ съ тѣмъ храбрости, чтобы незамѣченнымъ подойти къ укрѣпленіямъ непріятеля и застать его въ расплохъ. Вылазка эта ознаменована геройской смертью рядоваго Шевченко, который, защищая Бирюлева отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, заслонилъ его и, какъ сказано въ приказѣ главнокомандующаго, „молодецкою своею грудью принялъ пулю“.

Но не одинъ Шевченко обезсмертилъ себя своею храбростью во время бирюлевскихъ вылазокъ, — было пять человѣкъ, которыхъ Бирюлевъ любилъ брать съ собой, зная на опытѣ ихъ расторопность, находчивость

и мужество. Не разъ спасали его эти постоянные спутники отъ вѣрной гибели, не разъ подставляли они свои молодецкія груди вражескимъ пулямъ и штыкамъ! Привыкнувъ къ темнотѣ ночи, къ той мѣстности, на которой происходили вылазки, они зорко слѣдили за начальникомъ и поспѣвали всегда въ то время, когда ему нужна была ихъ помощь. Люди эти были: унтеръ-офицеръ одного изъ пѣхотныхъ баталіоновъ Елисеевъ, боцманъ Рыбаковъ, матросъ Димченко, квартирмейстеръ Заика и, наконецъ, получившій такую громкую извѣстность, матросъ Петръ Кошка, о которомъ и теперь еще ходятъ множество разсказовъ. Замѣтилъ, однажды, Кошка, что непріятельскіе рабочіе, выводившіе какое-то укрѣпленіе, уходятъ обѣдать. Не долго думая, забрался онъ къ нимъ и унесъ съ собою всѣ рабочіе инструменты. Въ одной вылазкѣ былъ убитъ одинъ нашъ солдатъ, тѣло котораго не успѣли съ собой взять. Тяжело было Кошкѣ видѣть убитаго товарища, оставленнаго на попраніе врагамъ; не стерпѣла его молодецкая душа и онъ отправился за убитымъ. Снявъ съ себя поясъ, привязалъ его однимъ концемъ къ товарищу, а другимъ къ своей ногѣ, и поползъ онъ, таща за собой трупъ товарища. Непріятель замѣтилъ это и открылъ по немъ пальбу, но Кошка остался цѣлъ и невредимъ, пробравшись благополучно, съ дорогимъ своимъ грузомъ, до нашихъ батарей. Другой разъ задумалъ Кошка съиграть штуку надъ англичанами: подползъ онъ ничкомъ до ихъ передоваго укрѣпленія и увидѣлъ, что они варятъ себѣ говядину. Аппетитъ разыгрался въ Кошкѣ и страхъ ему захотѣлось отвѣдать непріятельскаго кушанья... Стремглавъ бросился онъ на укрѣпленіе, съ крикомъ „ребята, ура!“ и всполошилъ англичанъ. Думая, что цѣлый русскій отрядъ напалъ на нихъ, повскакали англичане со своихъ мѣстъ и дали тягу, оставивъ все оружіе и всѣ припасы. Кошка тѣмъ временемъ не дремалъ и, пользуясь утекомъ враговъ, обобралъ ихъ оружіе, манерку съ водкой и говядину, съ чѣмъ и возвратился во свояси.

Такою-же неудержимою отвагою отличались пластуны,—самые удалые изъ черноморскихъ казаковъ, о

Къ стр. 16.

Афанасій Елисѣевъ. Унтеръ-Офицеръ резерв. баталіона.	Боцманъ **Арсеній Рыбаковъ.**	**Петръ Кошка** Квартирмейстеръ.	Матросъ **Иванъ Димченко.**	**Федоръ Заика.** Квартирмейстеръ.
Волынскаго пѣхотнаго полка.		30 флотскаго экипажа.		30 флотскаго экипажа.

которыхъ также сохранилось не мало разсказовъ. Проберуться они, бывало, ночью, тихо, безъ шума, къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, гаркнутъ во все горло „ура“, и такъ перепугаютъ спящаго непріятеля, что онъ бросится бѣжать. Пластуны-же заколятъ часовыхъ, оберутъ оружіе, а не то и плѣнныхъ съ собой захватятъ. За то доставалось и имъ отъ французовъ. Одинъ пластунъ получилъ до 30-ти ранъ отъ пуль и штыковъ; на вопросъ о томъ, какъ былъ раненъ?—онъ отвѣчалъ съ поражающей простотой: „якъ, каже, вскочилъ до траншеи, то мене, каже, на штыкахъ и выперли оттыли“. Отправляясь ночью на поиски, пластуны заходили довольно далеко; такъ добрались они, въ одну ночь до непріятельскаго укрѣпленія „Викторія,“ пролежали вблизи его цѣлый день, прикрываясь высокой травой-бурьяномъ и только на другую ночь удалось имъ стащить, особо устроеннымъ ими крючкомъ, стоявшаго на валу часоваго. Въ одну минуту зажали они ему ротъ и потащили съ собой до самаго Севастополя; тутъ они сдали его на руки начальству, которое такимъ образомъ могло узнать кое-что о непріятельской батареѣ Викторіи, до которой было отъ насъ нѣсколько верстъ. Съ этихъ поръ подобные крючья пошли въ ходъ и часто употреблялись, для стаскиванія зазѣвавшихся непріятельскихъ часовыхъ.

Одежда пластуновъ совершенно подходила къ ихъ занятіямъ: она была истерта и истаскана; на ногахъ у нихъ были стоптанные сапожонки, которые оттого были имъ особенно любы, что не производили стуку и когда имъ выдавали новые сапоги, то они не надѣвали ихъ, а продолжали щеголять въ прежнихъ.

— Почему не носите вы новыхъ сапоговъ?—спросили ихъ.

— Погани!—отвѣчали пластуны.

— Почему поганы?

— Стучатъ больно, ни подъ кого ни подползешь!

Прекрасный примѣръ, подаваемый взрослыми защитниками Севастополя, возбуждалъ также и юныя сердца матросскихъ дѣтей, которыя ни въ чемъ и ни-

гдѣ не отставали отъ своихъ отцовъ, и, наконецъ, до того свыклись съ окружающей ихъ постоянной опасностью, что не обращали никакого вниманія на свистѣвшія пули и ядра. Такъ, напримѣръ, матросскіе сыновья: Иванъ Рипицынъ, Боберъ, Дмитрій Фарасюкъ и Алексѣй Новиковъ пробыли все время на тѣхъ батареяхъ, на которыхъ служили ихъ отцы, помогая имъ въ ихъ трудной работѣ. Фарасюкъ, лишась отца, поселился на батареѣ и сталъ подъ командой одного матроса, служить при той пушкѣ, при которой, до смерти, служилъ его отецъ. Но попала вражеская пуля въ учителя Фарасюка, и онъ опять остался сиротой. Не сробѣлъ, однако, 15-ти-лѣтній мальчикъ, не покинулъ онъ своего мѣста и продолжалъ управлять пушкой до самаго конца осады.

Такъ протекали дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами; борьба становилась все ужаснѣе и ужаснѣе; каждый день, каждый часъ уносилъ новыя жертвы, опустошалъ ряды севастопольскихъ героевъ. Невозможно описать все то, что перенесли въ это время эти люди; еще невозможнѣе разсказать о всѣхъ тѣхъ подвигахъ, примѣрахъ необыкновенной храбрости, которые совершались въ стѣнахъ Севастополя... Каждый солдатъ, каждый матросъ, каждый ополченецъ, были герои; каждый уголъ крѣпости, наскоро построенной, подъ выстрѣлами непріятеля, былъ свидѣтелемъ самыхъ геройскихъ подвиговъ...

Взгляните на изображеніе одного изъ севастопольскихъ бастіоновъ: вы видите передъ собой изрытое мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ плетенками, мѣшками, насыпями, погребами для пороха, вырытыми въ землѣ шалашами, какими-то особенными, нигдѣ до того невидѣнными, домиками, устроенными изъ бревенъ, глины и дерну, называемыми блиндажами.

Если-бы вамъ пришлось, въ то время, войти на подобный бастіонъ, вы-бы подумали, что все это нагорожено безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ-то на батареѣ сидитъ кучка матросовъ и играетъ чуть-ли не въ носки; по серединѣ площади лежитъ пушка, потонувшая на половину въ липкой грязи; тутъ-же, мурлыкая себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, переходитъ отъ

Юнги Черноморскаго флота.

гдѣ не отставали отъ своихъ отцовъ, и, наконецъ, до того свыклись съ окружающей ихъ постоянной опасностью, что не обращали никакого вниманія на свистѣвшія пули и ядра. Такъ, напримѣръ, матросскіе сыновья: Иванъ Рипицынъ, Боберъ, Дмитрій Фарасюкъ и Алексѣй Новиковъ пробыли все время на тѣхъ батареяхъ, на которыхъ служили ихъ отцы, помогая имъ въ ихъ трудной работѣ. Фарасюкъ, лишась отца, поселился на батареѣ и сталъ подъ командой одного матроса, служить при той пушкѣ, при которой, до смерти, служилъ его отецъ. Но попала вражеская пуля въ учителя Фарасюка, и онъ опять остался сиротой. Не сробѣлъ, однако, 15-ти-лѣтній мальчикъ, не покинулъ онъ своего мѣста и продолжалъ управлять пушкой до самаго конца осады.

Такъ протекали дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами; борьба становилась все ужаснѣе и ужаснѣе; каждый день, каждый часъ уносилъ новыя жертвы, опустошалъ ряды севастопольскихъ героевъ. Невозможно описать все то, что перенесли въ это время эти люди; еще невозможнѣе разсказать о всѣхъ тѣхъ подвигахъ, примѣрахъ необыкновенной храбрости, которые совершались въ стѣнахъ Севастополя... Каждый солдатъ, каждый матросъ, каждый ополченецъ, были герои; каждый уголъ крѣпости, наскоро построенной, подъ выстрѣлами непріятеля, былъ свидѣтелемъ самыхъ геройскихъ подвиговъ...

Взгляните на изображеніе одного изъ севастопольскихъ бастіоновъ: вы видите передъ собой изрытое мѣсто, окруженное со всѣхъ сторонъ плетенками, мѣшками, насыпями, погребами для пороха, вырытыми въ землѣ шалашами, какими-то особенными, нигдѣ до того невидѣнными, домиками, устроенными изъ бревенъ, глины и дерну, называемыми блиндажами.

Если-бы вамъ пришлось, въ то время, войти на подобный бастіонъ, вы-бы подумали, что все это нагорожено безъ всякой цѣли, связи и порядка. Гдѣ-то на батареѣ сидитъ кучка матросовъ и играетъ чуть-ли не въ носки; по серединѣ площади лежитъ пушка, потонувшая на половину въ липкой грязи; тутъ-же, мурлыкая себѣ подъ носъ какую-то пѣсню, переходитъ, отъ

Юнги Черноморскаго флота.

одной пушки къ другой, пѣхотный солдатъ... Со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ мѣстахъ разбросаны черепки отъ ядеръ и бомбъ, лежатъ цѣльныя ядра и бомбы, лопаты, заступы, кирки... и все это затоплено въ жидкой, вязкой грязи. А кругомъ различные звуки пуль — однѣ жужжатъ какъ пчела, другія свистятъ, визжатъ какъ струна; слышится страшный гулъ выстрѣловъ... „Маркелла (мортира)! Пушка! Бомба!“ кричатъ на перерывъ солдаты, которые поставлены смотрѣть, куда летятъ непріятельскіе снаряды... Затѣмъ слышно какъ что-то ударилось о землю,—это бомба; ее разорвало на мелкіе куски, которые разлетѣлись по сторонамъ, поражая всѣхъ, кто встрѣтится имъ на дорогѣ; раздаются стоны и крики раненыхъ...

— „Носилки!“—кричатъ солдаты, оставшіеся неранеными; носилки приносятся, на нихъ кладутъ раненыхъ и уносятъ на перевязочный пунктъ.

У солдата, напримѣръ, вырвана часть груди. Въ первыя минуты, на забрызганномъ грязью лицѣ виденъ испугъ; онъ ошеломленъ и не знаетъ еще хорошенько, что случилось. Вотъ принесли носилки, солдатъ самъ, на здоровый бокъ, ложится на нихъ, и прежнее выраженіе пропадаетъ, является другое: глаза горятъ, зубы сжимаются, голова съ усиліемъ подымается выше; замѣтно, что раненый страдаетъ нестерпимо, всего его жжетъ, но въ то время какъ его хотятъ унести, онъ останавливаетъ носилки и съ трудомъ, дрожащимъ отъ боли голосомъ, говоритъ товарищамъ:—„простите братцы“. Еще что-то хочетъ сказать онъ, припоминаетъ, сбирается съ силами, однако никакъ желанное словцо не попадаетъ на языкъ и онъ только повторяетъ — „братцы простите!“, посылая такимъ образомъ своимъ товарищамъ послѣдній привѣтъ раненаго на смерть солдата...

Что-же дѣлали остальные жители Севастополя, въ то время, когда на бастіонахъ ежедневно происходили описанныя нами сцены? Мы уже сказали, что они, сначала помогали работавшимъ на севастопольскихъ укрѣпленіяхъ; возили туда каменья, плетенки и снаряды; охраняли внутри города тишину и порядокъ, не обра-

щая вниманія на выстрѣлы непріятеля. Потомъ, когда севастопольскій гарнизонъ сталъ все болѣе и болѣе увеличиваться, когда въ самомъ городѣ не было свободнаго или безопаснаго мѣста, начальство рѣшило перевезти съ южной стороны на сѣверную всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ войску. Хотя и грустно было севастопольскимъ обывателямъ разставаться со своими домами и жилищами, но они безропотно повиновались, зная, что этой жертвы требовала родина, для которой, въ то время, сопротивленіе Севастополя многочисленнымъ врагамъ была почти единственнымъ спасеніемъ. Они чувствовали и понимали это, и принесли своей родинѣ ту жертву, которую только могли, — пожертвовали своимъ кровомъ.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ осады Севастополя, въ немъ остались только тѣ, которые защищали его на бастіонахъ. Остались также и матросскія жены. Жутко приходилось имъ, въ первое время, подъ непріятельскими выстрѣлами: не привыкли онѣ къ свисту пуль, къ гулу ядеръ, но онѣ знали, что ихъ долгъ быть тамъ, гдѣ были мужья и братья; что ихъ обязанность помогать послѣднимъ, на сколько силъ хватитъ, смотрѣть, чтобы мужья и братья не нуждались въ необходимомъ, а въ случаѣ какая шальная пуля попадетъ въ нихъ, то ухаживать за ними и не покидать до послѣдней минуты. Таковъ долгъ и обязанность всякой женщины, а севастопольскія жены свято исполнили его. Онѣ покупали у торговцевъ на сѣверной сторонѣ разные припасы и потомъ разносили ихъ какъ по городу, такъ и по батареямъ, продавая почти что за свою цѣну. Безъ страха и боязни носили онѣ на бастіоны пищу мужьямъ и знакомымъ, стирали на нихъ бѣлье.

Сидитъ, бывало, матросъ около своей пушки, и глядитъ на свѣтлое, южное небо. Палитъ онъ усталъ, отдохнуть надо; позабавился-бы онъ теперь чайкомъ, да нѣтъ его, и невольный вздохъ вырвался изъ могучей груди солдата. Съ сердцемъ отплюнулъ онъ въ сторону и ожесточенно принялся сосать свою люльку. Но вотъ вдали показывается знакомая ему женская фигура, сол-

Къ стр. 18.

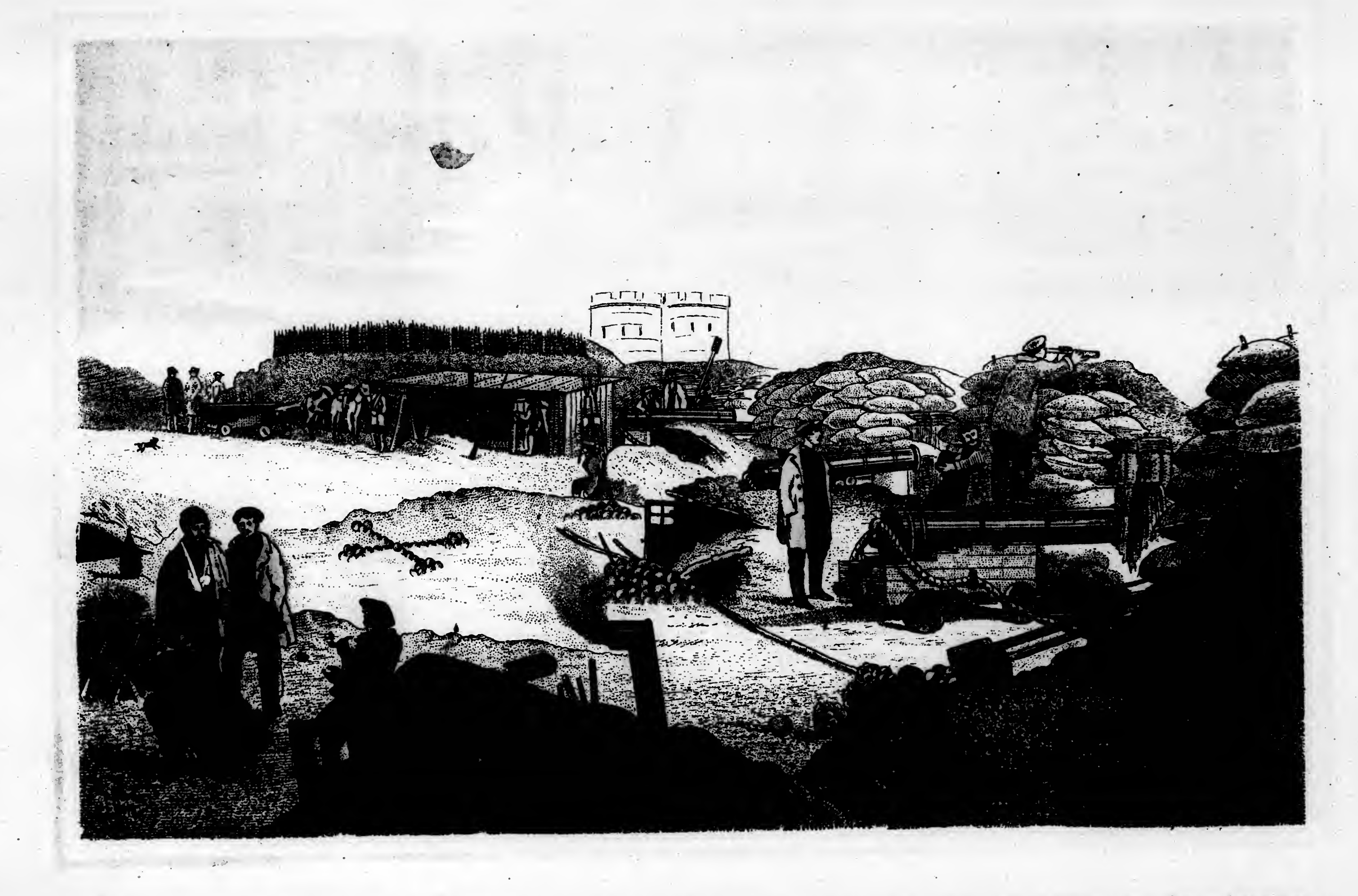
Внутренность одного изъ бастiоновъ Корниловскаго (Малахова) кургана, на которомъ убитъ Ген.-Адъютантъ Вице-Адмиралъ В. А. Корниловъ.

щая вниманія на выстрѣлы непріятеля. Потомъ, когда севастопольскій гарнизонъ сталъ все болѣе и болѣе увеличиваться, когда въ самомъ городѣ не было свободнаго или безопаснаго мѣста, начальство рѣшило перевезти съ южной стороны на сѣверную всѣхъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ войску. Хотя и грустно было севастопольскимъ обывателямъ разставаться со своими домами и жилищами, но они безропотно повиновались, зная, что этой жертвы требовала родина, для которой, въ то время, сопротивленіе Севастополя многочисленнымъ врагамъ была почти единственнымъ спасеніемъ. Они чувствовали и понимали это, и принесли своей родинѣ ту жертву, которую только могли, — пожертвовали своимъ кровомъ.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ осады Севастополя, въ немъ остались только тѣ, которые защищали его на бастіонахъ. Остались также и матросскія жены. Жутко приходилось имъ, въ первое время, подъ непріятельскими выстрѣлами: не привыкли онѣ къ свисту пуль, къ гулу ядеръ, но онѣ знали, что ихъ долгъ быть тамъ, гдѣ были мужья и братья; что ихъ обязанность помогать послѣднимъ, на сколько силъ хватитъ, смотрѣть, чтобы мужья и братья не нуждались въ необходимомъ, а въ случаѣ какая шальная пуля попадетъ въ нихъ, то ухаживать за ними и не покидать до послѣдней минуты. Таковъ долгъ и обязанность всякой женщины, а севастопольскія жены свято исполнили его. Онѣ покупали у торговцевъ на сѣверной сторонѣ разные припасы и потомъ разносили ихъ какъ по городу, такъ и по батареямъ, продавая почти что за свою цѣну. Безъ страха и боязни носили онѣ на бастіоны пищу мужьямъ и знакомымъ, стирали на нихъ бѣлье.

Сидитъ, бывало, матросъ около своей пушки, и глядитъ на свѣтлое, южное небо. Палить онъ усталъ, отдохнуть надо; позабавился-бы онъ теперь чайкомъ, да нѣтъ его, и невольный вздохъ вырвался изъ могучей груди солдата. Съ сердцемъ отплюнулъ онъ въ сторону и ожесточенно принялся сосать свою люльку. Но вотъ вдали показывается знакомая ему женская фигура, сол-

Къ стр. 18.

Внутренность одного изъ бастіоновъ Корниловскаго (Малахова) кургана, на которомъ убитъ Ген.-Адъютантъ Вице-Адмиралъ В. А. Корниловъ.

датъ осклабляется отъ удовольствія, но не даетъ этого замѣтить, а глядитъ въ сторону, и при словахъ — „не хочешь-ли чайку, родимый?“—дѣлаетъ видъ, что теперь только замѣтилъ пришедшую. Зоветъ онъ товарищей, съ кѣмъ подружнѣе, и начинается у нихъ чаепитіе, если можно назвать чаемъ, ту желтенькую водицу, которую принесла „хозяйка“. Иногда случалось, что непрошенная гостья, бомба, разстраивала компанію и наносила смерть кому-либо изъ сидящихъ. А то и чай не успѣвалъ доходить по назначенію: та-же бомба задѣнетъ самою „хозяйку“. Было у севастопольскихъ женщинъ и другое занятіе: какъ только начиналось какое-либо горячее дѣло, онѣ бѣжали на перевязочный пунктъ и ходили за ранеными, не глядя уже родной это или нѣтъ. Въ эти минуты, для нихъ всѣ были родными.

Кромѣ постоянныхъ обитательницъ города, во время осады, въ немъ находились еще, присланныя въ армію покойной великой княгиней Еленой Павловной, для ухода за ранеными и больными, — сестры милосердія. Заслуги этихъ женщинъ, посвятившихъ себя святому дѣлу милосердія и любви къ ближнимъ, были весьма велики и не должны быть забыты. Благодаря сестрамъ милосердія осталась въ живыхъ, можетъ быть, не одна сотня людей. Много страданій и боли утишили онѣ, много слезъ осушили. Надо было самому видѣть то самоотверженіе, то мужество и терпѣніе, съ которыми онѣ исполняли благодѣтельныя свои обязанности, чтобы понять принесенную ими пользу. На перевязочныхъ мѣстахъ сестры милосердія помогали докторамъ; онѣ услуживали, подавали перевязки, корпію, а подъ часъ сами подравнивали кожу, оставшуюся послѣ отрѣзанной руки или ноги. Трогательно было смотрѣть, когда эти женщины, своими нѣжными руками, дѣлали перевязки, обкладывали раны корпіей. Кровь текла по бѣлымъ рукамъ, судорожно сжимались губы, грустно глядѣли глаза, полные слезъ, но пальцы не дрожали. За то какимъ глубокимъ взоромъ благодарности, какими благословеніями, провожали ихъ, успокоенные, раненые воины. Иногда случалось, что раненый, еще живой во время

операціи, умиралъ на рукахъ сестры милосердія. Страшно было чувствовать въ своихъ рукахъ, не остывшее еще, тѣло покойника, дрожь пробѣгала по жиламъ, но впослѣдствіи сестры и къ этому привыкли. Не забудутъ ихъ тѣ изъ Севастопольскихъ защитниковъ, которые остались въ живыхъ; долго сохранится въ рядахъ нашей арміи и въ народѣ память объ этихъ женщинахъ, являвшихся какъ ангелы милосердія, всюду, гдѣ только несчастные и раненые нуждались въ ихъ помощи, и исполнявшихъ, несмотря ни на какіе выстрѣлы, ни на какую опасность, по доброй волѣ принятую ими на себя, святую обязанность!

Однако, всѣму есть мѣра, всему есть предѣлъ; точно также бываетъ и съ силами человѣческими. Настаетъ наконецъ минута, когда несмотря, на всѣ старанія человѣка достигнуть извѣстной цѣли, у него не хватаетъ на то силъ. Тоже было и съ защитниками Севастополя. Для нихъ такое время настало въ концѣ августа 1855-го года, когда сопротивленіе ихъ сдѣлалось болѣе невозможнымъ. Градъ пуль былъ такъ ужасенъ, что въ три дня 5000 русскихъ были убиты или ранены на стѣнахъ и улицахъ города, противъ котораго были направлены 800 непріятельскихъ пушекъ. Земля дрожала отъ постоянныхъ выстрѣловъ; жители ходили какъ ошеломленные; это былъ такой громъ, котораго никто не запомнитъ. Объ исправленіи разрушенныхъ укрѣпленій нечего было и думать; противъ такого адскаго огня ничего не могли сдѣлать ни искусство Тотлебена, ни храбрость гарнизона.

27-го августа, около полудня, смолкъ громъ орудій; по всей вражеской линіи водворилась тишина, какъ передъ бурей, и дѣйствительно буря была не далеко: — густыя толпы непріятеля выступили изъ-за своихъ укрѣпленій и двинулись къ стѣнамъ Севастополя. Главныя силы французовъ направлены были на Малаховъ курганъ, гдѣ, на Корниловомъ бастіонѣ находилось всего только 880 человѣкъ гарнизона; французы встрѣтили отчаянное сопротивленіе со стороны этой кучки храбрецовъ.

Но что значили они, эти 880 человѣкъ, въ сравненіи съ тѣми тысячами французовъ, которые шли противъ

Екатерина Варшавская. Марія Глѣбова. Александра Домбровская Начальница Александра Стаховичъ. Любовь Борисова.
Наталья Смирнова. Настасья Савельева. Вѣра Акунина. Марія Тординская. Мать Серафима. Олимпіада Смирнова.
Екатерина Гординская.

нихъ? Шесть послѣднихъ выстрѣловъ грянуло съ нашей стороны, храбрецы усѣяли бастіонъ своими тѣлами, и затѣмъ на Малаховомъ появилось французское знамя, а съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилась судьба Севастополя. Несмотря на то, что на остальныхъ мѣстахъ непріятель былъ отбитъ, съ потерею до 10-ти тысячъ человѣкъ, мы потеряли около 13-ти тысячъ и не могли взять обратно Малахова, а безъ этого невозможно было оставаться въ городѣ.

Насталъ вечеръ этого ужаснаго дня. По всей линіи севастопольскихъ укрѣпленій, столько мѣсяцевъ кипѣвшихъ необыкновенной жизнью, столько мѣсяцевъ видѣвшихъ какъ умирали одинъ за другимъ герои, и столько мѣсяцевъ возбуждавшихъ страхъ, ненависть, наконецъ удивленіе и уваженіе враговъ,—на севастопольскихъ бастіонахъ все было мертво, дико, ужасно, но не тихо: укрѣпленія разрушались силою, подведеннаго подъ нихъ, пороха; зданія-же городскія преданы были пламени. Тѣ, которые были въ эту ночь въ севастополѣ, никогда не забудутъ ее:—взрывы, зарево пожаровъ и мертвое молчаніе по всей линіи заставляли содрагаться; невольный ужасъ обуялъ всѣхъ, каждый чувствовалъ, какъ важна эта минута, какъ велико ея значеніе для нашей родины. Враги тоже видѣли, что въ Севастополѣ происходило нѣчто необыкновенное, но они не рѣшались двинуться впередъ и не смѣли думать, что ихъ противникъ исчезъ; молча ожидали они разсвѣта... Между тѣмъ севастопольское войско, медленно и тихо, двигались по мосту, построенному между южной стороной и сѣверной; оно шло прочь отъ мѣста, на которомъ оставило столько храбрыхъ братьевъ, отъ мѣста—облитаго его кровью, которое оно отстаивало цѣлыхъ 11-ть мѣсяцевъ, и теперь оставляло безъ боя.

— „Грустно и тяжело,—писалъ князь Горчаковъ въ своемъ приказѣ по крымской арміи, отъ 31-го Августа 1855-го года,—оставить врагамъ нашимъ Севастополь, но вспомните какую жертву мы принесли на алтарь отечества въ 1812 году. Москва стоитъ Севастополя! Мы ее оставили послѣ безсмертной битвы подъ

Бородинымъ. 349-ти дневная оборона Севастополя превосходитъ Бородино! Но не Москва, а груда каменьевъ и пепла достались непріятелю въ роковой 1812 годъ. Такъ точно и не Севастополь оставили мы нашимъ врагамъ, а однѣ пылающія развалины города, собственною нашею рукою зажженнаго, удержавъ за нами честь обороны, которую дѣти и внучаты наши съ гордостью передадутъ потомству!“

Воздавъ заслуженную благодарность, оставшимся въ живыхъ, достойнымъ начальникамъ севастопольскаго гарнизона, князь Горчаковъ говоритъ:— „Почтемъ, товарищи, память тѣхъ изъ насъ, кои пали съ честью за вѣру и отечество на валахъ Севастополя. Вспомнимъ въ особенности незабвенныя имена Корнилова, Нахимова и Истомина, и вознесемъ мольбы наши ко Всевышнему, да ниспошлетъ Онъ миръ и успокоеніе ихъ праху и увѣковѣчитъ память о нихъ, въ примѣръ грядущимъ поколѣніямъ Россіянъ“.

Такъ окончилась великая борьба, герои которой показали на себѣ примѣръ того, какъ велика сила русскаго народа, какъ могуча въ немъ любовь къ родинѣ... Севастополь сослужилъ славную службу своему отечеству, тѣмъ что занялъ, своейгеройской защитой въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ, силы непріятеля; онъ палъ, правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ истощилъ враговъ и черезъ то ускорилъ заключеніе того мира, котораго жаждали какъ мы, такъ и союзники. Миръ этотъ былъ подписанъ въ Парижѣ 18-го Марта 1856-го года и съ тѣхъ поръ для нашей родины наступила пора мирнаго развитія и преобразованій; земля наша окрѣпла; освобожденный Императоромъ Александромъ, народъ началъ образовываться и развиваться, и теперь, черезъ 18-ть лѣтъ, мы видимъ на себѣ благотворные плоды всѣхъ этихъ нововведеній...

Такъ помянемъ-же добрымъ словомъ Севастополь и славныхъ его защитниковъ, которые помогли намъ окончить гибельную для Россіи войну и, храбростью своею, вселили въ самихъ врагахъ глубокое уваженіе къ русскому народу.

ИЗДАНІЯ ПОСТОЯННОЙ КОММИСІИ
НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ:

1) **Слава на землѣ Господа нашего Іисуса Христа.** Священ. С. И. Опатовича. Съ 5-ю раскрашенными картинами . . . ц. 10 к.

2) **Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа** Священ. С. И. Опатовича. Съ 5-ю раскрашенными картинами. ц. 10 к

3) **Чему училъ людей Господь нашъ Іисусъ Христосъ.** Священ. С. И. Опатовича. Съ 5-ю раскрашенными картинами ц. 10 к.

4) **Жизнь Божіей матери.** Праздники въ честь Ея: Введеніе во храмъ, Благовѣщеніе, Успеніе, Покровъ и праздники въ честь Ея иконъ: Владимірской, Смоленской, Знаменія (Новгородской) Тихвинской, Казанской и Всѣхъ Скорбящихъ Радость —Священника М. И. Соколова. Съ 7-ю раскрашенными картинами . ц. 15 к.

5) **Жизнь Святаго Николая Чудотворца** въ связи съ церковными событіями его времени. Священ. М И. Соколова. Съ 10-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 15 к.

6) **Владиміръ Святой и Равноапостольный**— С. М. Съ 10-ю раскрашенными картинами. . . . . ц 10 к.

7) **О Богослуженіи Православной Церкви.** Всенощное бдѣніе и Божественная литургія: проскомидія, — оглашенныхъ, — вѣрныхъ. Священника М. И. Соколова. Съ 8-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 20 к.

8) **Первые вѣка христіанства и распространеніе его на Руси**—свящ. С. Опатовича. Съ 15-ю раскрашен. картинами. ц 25 к.

Святыя мѣста земли Русской:

9) **Соловецкій монастырь**—С. Максимова. Съ 10-ю раскраш. картинами . . . . ц. 15 к.

10) **Троицко-Сергіевская лавра.**—С. М. Съ 10-ю раскраш. картинами . . . . ц. 15 к.

11) **Святыни Кіева.** — Священника С. И. Опатовича. Съ 8-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 15 к.

Смутное время на Руси:

12) **Царевичъ Дмитрій и Борисъ Годуновъ** —В. О. Михневича. Съ 5-ю раскраш. картинами . . . . ц. 10 к.

13) **Самозванщина**.—В. О. Михневича. Съ 5-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 10 к.

14) **Воцареніе Романовыхъ.** — В. О. Михневича. Съ 5-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 10 к.

15) **О Петрѣ Великомъ.**—Молодость Петра Великаго: какъ и чему онъ учился, какъ добылъ море и создалъ Русскій флотъ. — С. Рождественскаго. Съ 12-ю раскрашенными картинами . . . ц. 20 к.

16) **О томъ, какъ Екатерина II-я Великая правила Русскою землей.** С. М. Съ 10-ю раскрашенными картинами . . . ц. 15 к.

17) **Александръ I-й Благословенный.** С. М. Съ 10-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 20 к.

18) **Чему училъ Петръ Великій народъ свой.**—С. М. Съ 10-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 15 к.

19) **М. В. Ломоносовъ.** — А. Г. Филонова. Съ 4-мя раскрашенными картинами . . . . ц. 10 к.

20) **Дѣдушка Крыловъ и его басни.** А. Г. Филонова. Съ 10-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 15 к.

21) **Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ.** — Е. Рейнбота. Съ 6-ю раскрашенными картинами . . . . ц. 15 к.

Книги изданія Коммисіи народныхъ чтеній одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ, рекомендованы Г. Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ для судовыхъ матросскихъ библіотекъ и Военно-Ученымъ Комитетомъ всѣмъ войскамъ.

Продаются въ книжной лавкѣ при Канцеляріи С.-Петербургскаго Градоначальника, по Большой Морской, д. № 40. Покупающимъ 100 и болѣе экземпляровъ каждаго изданія дѣлается уступка 20% съ рубля. Иногородные покупатели прилагаютъ на пересылку, считая отъ 1 до 5 экз. за одинъ фунтъ и отъ 5 до 10 за два фунта и т. д.

Склады изданій Коммисіи открыты:

Въ Москвѣ—при книжныхъ магазинахъ: «Общества распространенія полезныхъ книгъ», Братьевъ Салаевыхъ и А. И. Манухина.

Въ Кіевѣ — при редакціи Русскаго народнаго календаря, въ Первой Гимназіи.

Въ Саратовѣ — при складѣ «Общества распространенія полезныхъ книгъ».

